

ило ездить за тем, чтобы вывезти одно презрение, не только к землякам, да и к самим себе»; или: «Вывезли много вы диковинок, а жалости к слугам своим ничего не привезли, знать, там этого нет». Это сказано в тоне Стародума или Правдина Фонвизина, но Фирюлины принимают подобные суждения спокойно, восхваляя Афанасия в одном из случаев: «. . . как это хорошо сказано!» (с. 298).

Афанасий побеждает Клементия и не медлит претендовать на лавры: «Ну, видите ли, когда я чего захочу, то все сделаю» (с. 305). Он заявляет в последней сцене о необходимости смеяться и надеяться: «Где шут Афанасий, там надобно смеяться. Видите ли, что на свете ни о чем не надобно тужить и никогда не надобно прежде времени умирать» (с. 305). События пьесы, по видимому, подтверждают такую философию, хотя ее ограниченность явствует из признания шута, что «и много в жизни зла» (с. 305). Избрав шута своим героем, Княжнин развертывает неопределенность до конца.

Обозначение амплу Афанасия — *шут* — в какой-то мере было обусловлено ожиданиями современной автору аудитории. Хотя, как я уже указывал, Афанасий в пьесе фактически лишен биографии, традиция *шута* была богатой и сложной как в жизни, так и в литературе. В XVIII веке придворный шут почти исчез в ведущих европейских странах, но в России это явление продолжало существовать, даже расцвело при Петре и его непосредственных преемниках.²³ Фантастическая любовь Петра ко всем вещам и людям — причудливым, обезображенным и неестественным — слишком хорошо известна, чтобы нуждаться в документации, и была связана с грубой страстью к попойкам и шумным играм. Он любил карнавалы и разгульные церемонии всех родов, особенно такие, в которых участвовали дураки, шуты и карлики. Он старался, например, вырастить породу карликов, поживив своего фаворита Якима Волкова на карлице Прасковьи Федоровны и собрал всех карликов России на церемонию женитьбы.²⁴ Он также пытался, конечно, сочетать шутовство с содействием некоторым своим социальным идеям и реформам через непристойную и богохульную деятельность своего Всепьянейшего и всешутейшего собора. При Анне Иоанновне восторженное отношение к кривляниям карликов, паяцев и шутов не имело большего оправда-

²³ Более полно об этом см. *Welford E The Fool: His Social and Literary History* London, 1968, *Willeford W The Fool and His Sceptre A Study in Clowns and Jesters and Their Audience* Evanston, 1969

²⁴ *Шубинский С Н Свадьба карликов // Шубинский С Н Исторические очерки и рассказы* М, 1995 С 29–31